

УДК 93/94

**КНЯЗЬ В.М. РУБЕЦ МОСАЛЬСКИЙ –
УГОДНИК САМОЗВАНЦЕВ И «ВЕРНИК» СИГИЗМУНДА III**

© 2017 г.

Я.Г. Солодкин

Нижевартовский государственный университет, Нижевартовск

hist2@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.02.2017

Рассматривается политическая биография князя В.М. Рубца Мосальского, который единодушно причисляется к антигероям Смутного времени. Автор систематизирует и подвергает критическому анализу сообщения разнообразных источников о судьбе В.М. Рубца Мосальского накануне (с конца 1580-х гг.) «межъусобной брани», главным образом в пору его службы в Мангазее, и на протяжении 1604–1611 гг. В период Смуты князь, стараясь попасть в правящий круг, а следом упрочить свое новое положение, сделался одним из главных фаворитов Лжедмитрия I, став ближним боярином и дворецким, а после ссылки царем Василием на воеводство в Корелу – приближенным Тушинского вора, затем сторонником претендовавших на русский престол польского королевича Владислава и Сигизмунда III.

Ключевые слова: князь В.М. Рубец Мосальский, Мангазее, Смутное время, Лжедмитрий I, ближний боярин, дворецкий, Лжедмитрий II, Тушинский лагерь, королевич Владислав, Сигизмунд III.

На годы московской Смуты пришлось не только подвиги М.В. Скопина-Шуйского и П.П. Ляпунова, Д.М. Пожарского и К. Минина, патриарха Гермогена и Дионисия Зобниновского, но и деятельность ряда лиц, которых относят к «антигероям» длительной «межъусобной брани»: самозванных царевичей (первому из которых удалось даже, пусть и ненадолго, сделаться российским «цесарем»), Игнатия Грека, князя Г.П. Шаховского, казначея Ф. Андропова, бояр М.Г. Салтыкова и В.М. Рубца Мосальского. Последний из них снискал у современников и историков незавидную репутацию «угодника» «расстриги» и «верника» короля Сигизмунда. Вполне ли оправдана такая оценка?

Не отличавшийся родовитостью [1, с. 399] Василий Михайлов сын Мосальский упоминается в источниках с зимы 1589/90 г., когда, будучи стряпчим с платьем, участвовал в «немецком» походе «святоцаря» Федора к Нарве (Ругодыву) [2, с. 110]. (Современниками Василия Михайловича Рубца, кстати, являлись пять князей Мосальских, носивших то же имя – Василий Васильевич и Василий Федорович Литвиновы, Василий Федорович Александров, Василий Владимирович Клубков (Шанин), Василий Иванович Горбатого [3, с. 134 – 135], и их нередко путали друг с другом. Вслед за некоторыми летописцами ряд историков называет Василия Михайловича не Рубцом, а Кольцовым.) 10 января 1591 г. князь являлся рындой на приеме при московском дворе литовских послов, а семь лет спустя был определен головой в Чернигов,

воеводой которого стал знатный Ф.И. Шереметев. Их же в феврале 1601 г. назначили в Тобольск, незадолго до того превратившийся в разрядный центр: Рубец Мосальский оказался в подчинении у сибирского «наместника» (вместе с другим письменным головой Г.Ф. Образцовым) [4, с. 71, 137, 186; 5, с. 239; 6, с. 114, и др.]. Сразу по прибытии в «начальнейший град» Сибири новые воеводы в соответствии с наказом отправили князя Василия и С.Т. Пушкина (посланного в Тобольск в том же чине) в бассейн Таза [5, с. 244, 250, 258], дабы сменить князя М.М. Шаховского и Д.П. Хрипунова-Дубенского, выступивших туда во главе примерно сотни служилых людей с целью заложить острог, или же на поиски этого отряда (не исключалось, что он был разгромлен «иноземцами»). Подобно некоторым летописцам, многие исследователи считают «начальных людей» Мангазейского острога в 1601–1603 гг. воеводами. В наказе, врученном в Тобольске Рубцу Мосальскому и Пушкину, они значатся (что не было редкостью) без обозначения чинов [7, с. 387–396]. Видимо, как и в сибирском «первоимянитом граде», Василий Михайлов и Савлук Третьяков (Сергеев) подобно князю М.М. Шаховскому, тоже направленному в «Мангазею и Енисею» из Тобольска, являлись письменными головами.

В нескольких редакциях Сибирского летописного свода говорится о «посылке» в новую экспедицию на реку Таз сотни служилых людей. Согласно наказу В. Рубцу Мосальскому и С. Пушкину, столько – по 50 тоболяков и бере-

зовцев, причем с атаманами, – должен был насчитывать мангазейский гарнизон (из них 40 передавалось в ведение Мосальского, 40 переходило под начало Пушкина). К «Мангазейскому морю» в 1601 г. выступили 200 служилых – 100 из Тобольска, 70 – из Березова, 30 – из Сургута, но не только стрельцов, как писал М.И. Белов, но также «литвы» и казаков [7, с. 304, 387–390, 395; 8, с. 191, 260, 316].

С точки зрения В.И. Ульяновского, Рубец Мосальский очутился на «сибирской окраине» России в опале, пострадав одновременно с Романовыми. Л.Е. Морозова тоже думала, что в Мангазее князь Василий находился на положении ссыльного [9, с. 75; 10, с. 379; 11, с. 51]. Такой взгляд должен считаться заблуждением, нет каких-либо оснований и для допущения, будто в самом начале XVII в. один из администраторов русской крепости на Тазе оказался в немилости по делу «Никитичей».

В представлении М.И. Белова то «Мангазейский город» «срубил» осенью 1600 г. М.М. Шаховской, то первый «государев» острог на севере Енисейского края «поставили» Рубец Мосальский с Савлуком Пушкиным [12, с. 284]. Заметим, что крепость, которую им предстояло основать либо принять у Шаховского и Хрипунова, в наказе постоянно называется острогом. Вслед за В.А. Александровым следует полагать, что служилые люди, двинувшиеся в 1601 г. к устью Таза, достроили городок, сооруженный ратниками Шаховского и Хрипунова (но в среднем течении этой реки, на ее восточном берегу), возможно, занявшими какое-то укрепленное поселение русских промышленников [13, с. 11, 16–18, 28, 34]. Считать, что Рубец Мосальский заложил, причем в 1607 г., Туруханское зимовье [14, с. 24, ср. с. 200], нет каких-либо оснований.

Вскоре после возвращения из Сибири, в 7111 г., т.е. не позднее августа 1603 г., Василий Михайлов сын, что допустимо рассматривать как повышение, сделался воеводой Путивля (помощником князя, считающегося родоначальником Рубцовых Мосальских, стал дьяк Б. Иванов). В начале осени 1604 г., быть может, накануне вторжения в южнорусские уезды самозванца, выдававшего себя за царевича Дмитрия, в Путивле появился окольный М.М. Кривой Салтыков – уже в качестве старшего воеводы [4, с. 206, 219; 15, с. 2, 70, 115, 131, 192, 211, и др.]. Когда в этот город посланцы Лжедмитрия (овладевшего Черниговом и осадившего Новгород-Северский) доставили грамоты «истинного государя», то, согласно «разрядам», «путимцы ему (самозванцу. – Я.С.) добились челом и крест целовали, и воевод к нему и наряд

привезли под Новгородок». Как читаем в Пискаревском летописце (далее – ПЛ), «Путимлю ему («расстриге». – Я.С.) здали и воеводу Михаила Салтыкова привезли». По свидетельству автора Летописной книги о Смуте, Салтыков и Рубец Мосальский, оставшиеся верными царю Борису, были схвачены жителями крепости и выданы «воровскому царевичу». Создатель же Нового летописца (далее – НЛ) утверждал, что Мосальский, находясь в Путивле, решил сдать Лжедмитрию, и «Гришка нача... князь Василья жаловать: тако ж никому таково времени не было, что ему» [16, с. 62]. Думается, этой версии, которую вслед за Н.М. Карамзиным (называвшим Рубца Мосальского воином «не без достоинства», но гражданином «без чести и правил» [17, с. 90]) разделяли многие ученые [18, с. 349; 19, с. 449; 20, с. 524; 21, с. 471, и др.], все же есть основания подобно, например, Н.И. Костомарову и Р.Г. Скрынникову [22, с. 107; 23, с. 88] предпочесть показания большинства источников, причем более ранних, об аресте обоих путивльских воевод мятежными горожанами в ноябре 1604 г. [4, с. 220; 15, с. 2; 24, с. 206; 25, с. 370].

Оказавшись в «воровском» стане, князь Василий, очевидно, в расчете на придворную карьеру, которую едва ли мог сделать в царствование Бориса Федоровича (вспомним, что в Путивле с появлением М.М. Салтыкова Рубец Мосальский стал младшим воеводой), превратился, хотя, возможно, и не сразу, в рьяного приверженца самозванца и удостоился звания ближнего боярина. В мае 1605 г. в свите «царя Дмитрия Ивановича» Мосальский участвовал в походе из Путивля к Кромам и Туле, а затем вместе со знатным князем В.В. Голицыным и получившим накануне чин печатника дьяком Б.И. Сутоповым был послан в столицу, дабы низложить патриарха Иова и расправиться с вдовой и сыном «Большого» Годунова [4, с. 226–228; 15, с. 5, 6, 30, 73, 203; 16, с. 65, 66; 23, с. 116, 117, 139, 153, и др.]. По словам Ивана Тимофеева, царевну Ксению Лжедмитрий «в некоем угрождаемого ему и приближна нововельможи (очевидно, Рубца Мосальского. – Я.С.) дому без тоя воли... во мнишеская облек». Впрочем, не приходится утверждать (как поступила В.И. Охотникова), будто князю Василию самозванец вверил управление Москвой до своего вступления в «царствующий град». По поручению «расстриги» Рубец Мосальский привез туда и вдову Ивана Грозного инокиню Марфу – якобы мать нового государя [24, с. 207; 25, с. 376, 583; 26, с. 85, 481]. В течение его короткого царствования «путивльский боярин» являлся большим дворецким (в апреле – мае 1606 г.), разбирая

местнический спор князей Ю.Д. Хворостинина и Б.М. Лыкова, встречал в Смоленске сандомирского воеводу Юрия Мнишека, его дочь Марину, вскоре ставшую московской царицей, и польско-литовских послов, на свадьбе самозванца «сидел» «за кушеньем». Тогда же Василий Михайлович добивался передачи ему родового города Мосальска с уездом и сделал вклад в дорогобужский Болдинский монастырь. (Мнение Т. Бохуна, что в то время захудалый князь возглавлял и Новгородский дворец (четверть) [27, с. 297], как выяснено Д.В. Лисейцевым, неверно [28, с. 182; 29, с. 41, 234].)

По данным В.Н. Татищева, с П.Ф. Басмановым и В.М. Рубцом Мосальским самозванец обсуждал замысел истребления бояр в ходе военного смотра у села Коломенского. Приблизительно в то же самое время, 12 мая 1606 г., князь был участником приема у царицы Марии [5, с. 154 – 155; 15, с. 7, 41, 78, 81, 116, 135, 137, 183, 184; 16, с. 68; 18, с. 353; 24, с. 243, и др.].

В отличие от Басманова, также прославившего «поборником» и «угодником» «законопреступного царя», Рубцу Мосальскому, однако, удалось уцелеть в день восстания против самозванца (17 мая), даже сохранить боярское звание, быть может, потому, что князь пристал к заговорщикам, главой которых являлся В.И. Шуйский [9, с. 75–76].

Утверждать вслед за Л.Е. Морозовой, что с воцарением старшего из Шуйских его сторонником сделался и Василий Михайлович [30, с. 81], не приходится. Новый самодержец пожаловал столичный двор фаворита «расстриги» купцам Мыльниковым – участникам убийства московского «цесаря», и едва ли не сразу отправил одного «из первых клятвоступников Борисова времени» [31, с. 5] на воеводство в Корелу, где, по мнению И.О. Тюменцева, опальный боярин находился до 1 сентября 1608 г. Вернувшись в Москву, вскоре князь Василий «отъехал» в Тушино, где занял видное положение, хотя не сумел вернуть себе чин дворецкого. Лжедмитрий II пожаловал своему новому боярину Мосальск, поместья в Козельском и Мещовском уездах [20, с. 444; 32, с. 280, 544, и др.].

Как утверждал Иван Тимофеев, среди тушинцев, которые подступили в середине ноября 1608 г. к стенам Спасо-Хутынского монастыря близ Новгорода, и «два куртеса (боярина. – Я.С.) чином бяху... дела же оба – яко с василиском аспида», оставив вверенное им царем «градоначалство» в Орешке и Кореле. Следом, говоря о «московском разорении», автор знаменитого «Временника» замечал, что «вожди... и наставницы быша толику злу предипомянутая гады два, василиск и аспида; еще же сказуют

превозмог сих некий и явися злобою козмик некто от мельчайших» [26, с. 141, 142, ср. с. 72, 104]. Исследователи разошлись в трактовке этих иносказаний. Указание на недавнего воеводу Корелы позволяет думать, что Тимофеев имел в виду Рубца Мосальского. Дьяку, служившему тогда в Новгороде, вероятно, изменила память либо он писал понаслышке, ибо к середине осени 1608 г. приближенный первого самозванца, очевидно, находился в Тушине.

Согласно НЛ, Мнишков, направлявшихся после заключения русско-польского мира на родину, «перенял» возле Белой князь Василий Мосальский и «поворотил» в стан «Вора», где Марина вновь стала царицей, хотя (как она надеялась, временно) и не московской [16, с. 81; 24, с. 216]. Считать, что подразумевается Рубец Мосальский [20, с. 498], однако, не приходится. (Сомнения на этот счет высказывал еще Н.М. Карамзин [31, примеч. 217].) В Бельском летописце прямо сообщается, что на отряд князя В.Т. Долгорукого, сопровождавший Марину Мнишек и ее отца, напали тушинцы во главе с князем В.Ф. Литвиновым Мосальским (имевшим прозвище Гнусин) [24, с. 248; ср. 15, с. 253; 18, с. 370]. Кроме того, известно, что это случилось (в селе Верховье Бельского уезда) 16 августа 1608 г. [33, с. 732], а приспешник «расстриги» тогда, по всей видимости, еще оставался в Кореле.

В начале 1610 г., т.е. вслед за бегством «Вора» в Калугу, князь Василий вместе с другими видными тушинцами возглавлял посольство в ставку Сигизмунда III под Смоленск, дабы пригласить на московский престол королевича Владислава. И.О. Тюменцев включает Рубца Мосальского в число участников «низведения» Шуйского «от царских полат» 17 июля того же года. Но в то время, насколько известно, недавний тушинский боярин находился в смоленском лагере короля Речи Посполитой. Уже как сторонник его кандидатуры на царство (хотя формально его занимал Владислав), князь Василий вернулся в Москву и стал одним из первых советников А.К. Госевского [1, с. 439; 32, с. 488, 501, 539, 544, и др.]. Имеются данные о том, что с 3 ноября 1610 г. до 1 января 1611 г. Рубец Мосальский, щедро награжденный Сигизмундом [31, с. 158, примеч. 486, и др.], вновь был большим дворецким. Одновременно, с 27 октября 1610 г., Василий Михайлович наряду, в частности, с боярином князем И.С. Куракиным, крутицким митрополитом Пафнутием, гостем И. Юрьевым «сидел» в приказе сыскных дел – комиссии, созданной ради поисков казны, предположительно скрытой царем Василием Ивановичем незадолго до низложения [29, с. 41, 201; 34, с. 51]. Вновь выехавший, теперь уже от

имени Боярской думы, под Смоленск, по допущению Т. Бохуна, на обратном пути (вероятно, в начале марта 1611 г., до 9 числа этого месяца) близ Вязьмы «при невыясненных обстоятельствах», князь был убит партизанами или казаками [27, с. 289, 290, 294, 297; 34, с. 51]. (В НЛ читаем, что «враги богаотметники» М. Салтыков (он был «всему злу настоятель») и В. Мосальский [ср. 25, с. 30, 36, 38] убеждали патриарха Гермогена признать кандидатуру королевича Владислава, и вскоре Мосальский, князь Ф. Мещерский, М. Молчанов, Г. Кологривов, В. Юрьев «помроша злою скорою смертью... у иного язык вытянулся до самых грудей, у иного челюсти распадашась, яко и внутренняя вся видети, а иные жива згниша» [16, с. 101]. Как надо полагать, точные обстоятельства кончины Василия Михайловича официально «списателю» 1620-х гг. не были известны.)

Итак, за последние шесть лет жизни, будучи боярином (вначале и в Тушине – «воровским»), князь, ранее выполнявший лишь функции «градодержателя» в Чернигове, Мангазее и Путивле, успел побывать и фаворитом Лжедмитрия I, и участником заговора против него, и (вернувшись из «почетной ссылки» на воеводство в Корелу) приближенным осаждавшего Москву «царика», и сторонником королевича Владислава, и, наконец, «верником» Сигизмунда III. У современников, к примеру автора НЛ, стало быть, имелись основания для того, чтобы причислить Рубца Мосальского к «злодеям изменникам», виновным в наступлении и разрастании «смятения... во всей Русской земле». Князем, раз за разом предававшим своих государей – подлинных и мнимых, скорее всего двигало желание попасть в правящий круг, а со временем этот выскочка (как писал С.Ф. Платонов) стремился упрочить свое положение при дворе, хотя бы «Тушинского вора» или польского принца, затем его отца, намеревавшихся сделаться московскими самодержцами.

Список литературы

1. Платонов С.Ф. Смутное время. СПб.: Лань, 2001. 479 с.
2. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М.: б.и., 1979. Ч. 1. 341 с.
3. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М.: б.и., 1979. Ч. 2. 185 с.
4. Разрядная книга 1550–1636 гг. М.: б.и., 1976. Т. 2. Вып. 1. 242 с.
5. Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М.: Наука, 1986. 271 с.
6. Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: б.и., 1994. Т. 4. Ч. 1. 140 с.
7. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Восточная литература РАН, 1999. Т. 1. 630 с.
8. Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36. 382 с.
9. Ульяновский В.И. Российские самозванцы: Лжедмитрий I. Киев: Наукова думка, 1993. 296 с.
10. Морозова Л.Е. Два царя: Федор и Борис. М.: Русское слово, 2001. 415 с.
11. Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича. М.: Наука, 2005. 467 с.
12. Белов М.И. Пинежский летописец о разведочном походе поморов в Мангазею // Рукописное наследие древней Руси: По материалам Пушкинского дома. Л.: Наука, 1972. С. 279–285.
13. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 303 с.
14. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1989. 304 с.
15. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М.: Университетская типография, 1907. XXVIII + 312 с.
16. Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1965. Т. 14. Первая половина. I + 154 с.
17. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М.: Книга, 1989. Кн. 3. Т. 11. 184 + 84 с.
18. Буссов К. Московская хроника: 1584–1613. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.
19. Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников. М.: Современник, 1989. 462 с.
20. Хроники Смутного времени. М.: Высшая школа, 1998. 587 с.
21. Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г., Щеглова О.А. Очерки истории Курского края с древнейших времен до XVII в. Курск: График, 2008. 622 с.
22. Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М.: Чарли, 1994. 799 с.
23. Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII столетия: Григорий Отрепьев. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. 237 с.
24. Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1978. Т. 34. 304 с.
25. Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII века. М.: Художественная литература, 1987. 616 с.
26. Временник Ивана Тимофеева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 512 с.
27. Бохун Т. Пацификация и пожар Москвы 29 марта – 5 апреля 1611 г. // Мининские чтения: Сб. науч. тр. по истории Смутного времени в России начала XVII в.: В память 400-летия Нижегородского подвига. Нижний Новгород: Кварц, 2012. С. 280–303.
28. Лисейцев Д.В. Приказ Новгородского дворца // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научных конференций 2006–2007 годов. Новгород Великий: Изд-во Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, 2007. С. 178–185.

29. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 302 с.
30. Морозова Л.Е. Василий Иванович Шуйский // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 72–97.
31. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М.: Книга, 1989. Кн. 3. Т. 12. II + 200 + 148 + XXXV с.
32. Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1999. 583 с.
33. Сборник императорского Русского Исторического Общества. М.: б.и., 1912. Т. 137. XIX + 797 с.
34. Лисейцев Д.В. К вопросу о времени и обстоятельствах составления боярского списка 1611 г. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): К 80-летию члена-корреспондента РАН В.И. Буганова / Отв. ред. Н.М. Рогожин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 50–59.

**PRINCE V.M. RUBETS MOSALSKY:
THE IMPOSTORS' PLEASER AND SIGISMUND III'S DEVOTEE**

Ya.G. Solodkin

The paper examines the political biography of Prince V.M. Rubets Mosalsky, who is unanimously viewed as an antihero of the Time of Troubles. The author organizes and critically reviews the evidence from a wealth of sources on V.M. Rubets Mosalsky's life on the eve of the Time of Troubles (from the late 1580s), mainly during his service in Mangazeya, as well as in the timespan of 1604-11. During the Time of Troubles the prince, eager to belong to the ruling class and strengthen his position there, became one of the key favourites of Dmitry the False I to serve him as a court boyar and the palace-steward. Following his exile to Korela, ordered by the new Tsar Vassily, he turned into a courtier of the Second Impostor and then a follower of the Polish claimants of the Russian throne – Prince Vladislav and Sigismund III.

Keywords: Prince V.M. Rubets Mosalsky, Mangazeya, Time of Troubles, Dmitry the False I, court boyar, palace-steward, Dmitry the False II, Tushino camp, Prince Vladislav, Sigismund III.

References

1. Platonov S.F. Smutnoe vremya. SPb.: Lan', 2001. 479 s.
2. Boyarskie spiski poslednej chetverti XVI – nachala XVII v. i rospis' russkogo vojska 1604 g. M.: b.i., 1979. Ch. 1. 341 s.
3. Boyarskie spiski poslednej chetverti XVI – nachala XVII v. i rospis' russkogo vojska 1604 g. M.: b.i., 1979. Ch. 2. 185 s.
4. Razryadnaya kniga 1550–1636 gg. M.: b.i., 1976. T. 2. Vyp. 1. 242 s.
5. Koreckij V.I. Istoriya russkogo letopisaniya vtoroj poloviny XVI – nachala XVII v. M.: Nauka, 1986. 271 s.
6. Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. M.: b.i., 1994. T. 4. Ch. 1. 140 s.
7. Miller G.F. Istoriya Sibiri. 2-e izd., dop. M.: Vostochnaya literatura RAN, 1999. T. 1. 630 s.
8. Polnoe sobranie russkikh letopisej. M.: Nauka, 1987. T. 36. 382 s.
9. Ul'yanovskij V.I. Rossijskie samozvancy: Lzhedmitrij I. Kiev: Naukova dumka, 1993. 296 s.
10. Morozova L.E. Dva carya: Fedor i Boris. M.: Russkoe slovo, 2001. 415 s.
11. Morozova L.E. Rossiya na puti iz Smuty: Izbranie na carstvo Mihaila Fedorovicha. M.: Nauka, 2005. 467 s.
12. Belov M.I. Pinezhskij letopisec o razvedochnom pohode pomorov v Mangazeyu // Rukopisnoe nasledie drevnej Rusi: Po materialam Pushkinskogo doma. L.: Nauka, 1972. S. 279–285.
13. Aleksandrov V.A. Russkoe naselenie Sibiri XVII – nachala XVIII v. (Enisejskij kraj). M.: Nauka, 1964. 303 s.
14. Rezun D.Ya., Vasil'evskij R.S. Letopis' sibirskih gorodov. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989. 304 s.
15. Belokurov S.A. Razryadnye zapisi za Smutnoe vremya (7113–7121 gg.). M.: Universitetskaya tipografiya, 1907. XXVIII + 312 s.
16. Polnoe sobranie russkikh letopisej. M.: Nauka, 1965. T. 14. Pervaya polovina. I + 154 s.
17. Karamzin N.M. Istoriya Gosudarstva Rossijskogo. M.: Kniga, 1989. Kн. 3. Т. 11. 184 + 84 s.
18. Bussov K. Moskovskaya hronika: 1584–1613. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1961. 400 s.
19. Smuta v Moskovskom gosudarstve: Rossiya nachala XVII stoletiya v zapiskah sovremennikov. M.: Sovremennik, 1989. 462 s.
20. Hroniki Smutnogo vremeni. M.: Vysshaya shkola, 1998. 587 s.
21. Zorin A.V., Starodubcev G.Yu., Shpilev A.G., Shcheglova O.A. Ocherki istorii Kurskogo kraja s drevnejshih vremen do XVII v. Kursk: Grafik, 2008. 622 s.
22. Kostomarov N.I. Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva v nachale XVII stoletiya. M.: Charli, 1994. 799 s.
23. Skrynnikov R.G. Samozvancy v Rossii v nachale XVII stoletiya: Grigorij Otrep'ev. 2-e izd., ispr. i dop. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1990. 237 s.
24. Polnoe sobranie russkikh letopisej. M.: Nauka, 1978. T. 34. 304 s.
25. Pamyatniki literatury Drevnej Rusi: Konec XVI – nachalo XVII veka. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1987. 616 s.

26. Vremennik Ivana Timofeeva. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1951. 512 s.
27. Bohun T. Pacifikaciya i pozhar Moskvy 29 marta – 5 aprelya 1611 g. // Mininskie chteniya: Sb. nauch. tr. po istorii Smutnogo vremeni v Rossii nachala XVII v.: V pamyat' 400-letiya Nizhegorodskogo podviga. Nizhnij Novgorod: Kvarc, 2012. S. 280–303.
28. Lisejcev D.V. Prikaz Novgorodskogo dvorca // Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj zemli: Materialy nauchnyh konferencij 2006–2007 godov. Novgorod Velikij: Izd-vo Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo, 2007. S. 178–185.
29. Lisejcev D.V., Rogozhin N.M., Ehskin Yu.M. Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv.: Slovar'-spravochnik. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2015. 302 s.
30. Morozova L.E. Vasilij Ivanovich Shujskij // Voprosy istorii. 2000. № 10. S. 72–97.
31. Karamzin N.M. Istoriya Gosudarstva Rossijskogo. M.: Kniga, 1989. Kn. 3. T. 12. II + 200 + 148 + XXXV s.
32. Tyumencev I.O. Smuta v Rossii v nachale XVII stoletiya: Dvizhenie Lzhedmitriya II. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1999. 583 s.
33. Sbornik imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. M.: b.i., 1912. T. 137. XIX + 797 s.
34. Lisejcev D.V. K voprosu o vremeni i obstoyatel'stvah sostavleniya boyarskogo spiska 1611 g. // Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.): K 80-letiyu chlena-korrespondenta RAN V.I. Buganova / Otv. red. N.M. Rogozhin. M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEhN), 2012. S. 50–59.